

ИЗ ЛУЧШИХ КНИГ НАШЕЙ ЭПОХИ

СОРОК ЧЕТЫРЕ ГОДА, НЕИЗМЕННО —

ИЗ РУКОПИСИ КНИГИ «ПОМНИТЬ И ВСПОМНИТЬ»

Еще учась в университете в родном городе на Неве, уже издавна глубоко поглощенный творчеством Анны Ахматовой, я начал в 1970 собирать по возможности полную антологию стихов, посвященных этому великому русскому поэту, написанных другими как отечественными, так и иностранными стихотворцами. Опираясь на впечатляющее раннее «ядрышко» в виде аналогичной крошечной антологии Эриха Голлербаха «Образ Ахматовой» (1925; стихи Н.Гумилева, М.Кузмина, М.Лозинского, А.Блока, Ф.Сологуба, О.Мандельштама, В.Комаровского, Б.Садовского, А.Тянькова), я в считанные недели, сидя с утра до вечера в Публичной библиотеке, просмотрел несколько сотен дореволюционных и советских книг стихов, а также альманахов и сборников. Первая редакция моей скромной антологии превзошла по объему пионерский голлербаховский труд в пять-семь раз. Естественно перейдя уже и к просмотру периодики, включая мировую, я одновременно начал обращаться к живым поэтам разных поколений в резонной надежде найти у них еще неопубликованные и, хотелось думать, наилучшие стихи.

В значительной степени так и оказалось. Поистине шедевры Варлама Шаламова, Арсения Тарковского, Иосифа Бродского, немало числа молодых московских и ленинградских стихотворцев вознаградили затраченные усилия. Подошел черед обратиться как к академическим, так и к частным архивам. Тут мне очень помогли протянувшие дружескую руку старшие друзья и учителя — Владимир Адмони, Лидия Гинзбург, Яков Гордин, Дмитрий Максимов, Ида Наппельбаум, Ефим Эткинд, а также многие сравнительно молодые сотрудники мемориальных литературных музеев в моем родном городе.

Маленькая 120-страничная антология приобрела вид, уже достойный того, чтобы показать ее серьезным специалистам, историкам литературы. Первый такую мысль высказал Е.Г. Эткинд (в домашней библиотеке которого я мог получить доступ к источникам и западным публикациям, связанным с Анной Ахматовой, — собраниями сочинений ее самой, Николая Гумилева, Осипа Мандельштама и др.): он предложил мне поехать в Москву и в первую очередь направил к Лидии Корнеевне Чуковской. Одновременно он посоветовал попросить ее показать мне как раз тогда завершаемый ею первый том «За-

писок об Анне Ахматовой». Я уже достаточно хорошо представлял себе, к кому иду: не только к одному из самых близких и доверенных друзей Анны Ахматовой, не только к одному из лучших отечественных высокопрофессиональных редакторов, но и к непревзойденному мастеру новой вольной публицистики (как минимум три открытых письма Лидии Чуковской я едва ли не знал наизусть, успев переписать на пишущей машинке их для самиздата по два-три раза). Тот же Е.Г. Эткинд предупредил меня и о том, что, вполне возможно, дверь мне откроет не Лидия Корнеевна, а ее дочь — Елена Цезаревна Чуковская (— Кстати, — добавил он с улыбкой, — Люша тоже, как и вы, по университетскому образованию химик!.. — Он не мог только знать и сказать еще об одном совпадении: оба мы — но с дистанцией в 20 лет — родились и первые годы жизни росли почти рядом, по разные стороны чудесного петербургского Спасо-Преображенского собора с уникальной оградой из турецких пушек).

Так и случилось. По указанному адресу: улица Горького (Тверская) 6 — я намеренно отправился без предварительного телефонного звонка по, как мне казалось, вполне понятным причинам: не хотелось заранее оповещать избалованную подслушку и т.п. Лифтерши-стукачки в тот первый мой визит на месте не оказалось (в дальнейшем она в разном облики, но как некая колода из ремизовской нечисти, словно темная египетская пирамида неподвижно сидела при входе внизу парадной и впивалась в каждого входящего своими глазелками-сверлами и визгливо-скрипучим жалъцем), и я без помех взлетел на высокий этаж по просторной новомосковской лестнице в один миг.

То ли от потери дыхания, то ли от того, что мне повезло действительно сразу ощу-

тить значение этого своего звездного часа, вид за распахнувшейся передо мной дверью, как в фантастическом кинофильме, ослепил меня сиянием из невидимого источника света. Хотя в реальности в небольшой прихожей передо мной стояла открыто улыбающаяся с приветливым и внимательным прямым взглядом умных и добрых глаз стройная молодая женщина: меня встретил самый сердечный и раскованный прием в чужом доме за всю мою жизнь. Тотчас поразило меня то, что — в отличие от, видимо, застегнутых на все пуговицы ленинградцев, где как-то не было принято даже между самими близкими людьми подавать друг другу руку — тут же, на пороге квартиры Чуковских, сперва Е.Ц., а на следующий день и сама Л.К., с непривычной для меня душевностью и естественностью сразу протянули мне руку!..

Лидии Корнеевны в тот раз дома на Тверской не оказалось, она была в Перedelкине (то-то внизу пост стукачей пустовал); Елена Цезаревна любезно взялась передать своей матери машинописный манускрипт моей антологии, но настойчиво предложила зайти на следующий день уже наверняка.

Все наши встречи с Лидией Корнеевной на Тверской проходили уже без Елены

Вверху слева — Елена Цезаревна Чуковская и Ефим Григорьевич Эткинд (на проводах проф. Е.Г. Эткинда в эмиграции), Ленинград, Аэропорт Пулково, 16 октября 1974. Фото: Сергей Дедюлин

Внизу справа — Елена Цезаревна Чуковская у Соловецкого камня, Москва, Лубянка, 24 августа 1991. Фото: Сильва Рубашова

ИЗ ЛУЧШИХ КНИГ НАШЕЙ ЭПОХИ

– С ЛЮБОВЬЮ И ВОСХИЩЕНИЕМ

Цезаревны – но с неизменно пытавшейся ставить подножки стучачкой-лифтершей – внизу, и в присутствии за стеной бесконечно милой и обаятельной Фины Хавкиной, лит. секретаря Л.К., – наверху.

А с Е.Ц. наше дальнейшее общение проходило в основном по телефону уже крайне лаконично и можно сказать более сухо – как и бывает между своими: солидарными, проверенными в деле собратями-товарищами.

Вторая наша живая встреча неожиданно для меня случилась осенью 1974 в оживленной и яркой выразительными лицами толпе (60-70 человек) во время проводов на ленинградском аэродроме Пулково в эмиграцию изгнанного отовсюду – с кафедры в Герценовском пединституте и из Союза писателей – проф. Е.Г. Эткинда. Оглушенный словно режущим слух и зрение едва ли не физическим звоном такого биографически-исторического рубежа, я даже не узнал Е.Ц. в очаровательной энергичной и наверное единственной безупречно естественно из всех держащейся юной даме (впрочем, как и тогда замечательно там же просветленная переводчица Нина Комарова). Е.Ц. пришлось, фигурально говоря, дернуть меня за рукав и сказать: – Да мы с вами знакомы, вы же приходили к нам в Москве; сделайте на память наш совместный фотопортрет с Е.Г. и обязательно передайте снимки мне!..

В следующие лет шесть-семь мое общение с Е.Ц. было чаще всего заочное, в лучшем случае по телефону; незадолго до собственного вынужденного отъезда в ту же эмиграцию я сперва виделся «вживе» в темных летних сумерках на пороге дома в Перedelкине лишь с одной Л.К. и потом с ней же по-

прощался окончательно в феврале 1981 уже телефонным звонком.

А третья встреча с Е.Ц. произошла уже как бы в новую геологическую эпоху, когда она приехала в Париж после «перестройки» и делала доклад об эпопее с «Чукоккалой» в Институте славяноведения на улице Мишле. На сей раз уже Е.Ц., естественно, не узнала меня в аудитории, когда я задавал ей из зала вопросы (но снова сумела уже на другом конце земли потрясти меня, умудрившись единственной из всех докладчиков за годы и годы встать за кафедральным столом даже не для ответа, а только лишь начав слушать мой вопрос!..), но молниеносно вспомнила меня и как прежде дружески протянула руку, когда я после общей дискуссии подошел к ней.

Далее снова множество телефонных переговоров и переписки – почтовой и сетевой, обсуждение различных приятных, а нередко и *сложных* историко-литературных сюжетов – и наконец еще одна встреча, снова в Париже в марте 2009, во время Солженицынской конференции: и это общение, эта «четвертая проза», стало наверное самым сердечным и при всех наших мягких спорах самым созвучным из всех, поистине «четвертой поэзией»!

Четыре реальных встречи в физическом пространстве за сорок четыре года неизменно интенсивного и *со-чувственного*, но внутреннего общения. «...Мало?.. – Для счастья достаточно!..»

В эти четыре десятилетия уместилось и восхищение переписываемыми мной на пишущей машинке самиздатскими текстами Е.Ц. – сперва безымянными (в сборнике «Слово пробивает себе дорогу»), затем и подписанным полным именем (в приложении к «Иванькиаде» – ослепи-

тельным открытым Письмом В.Н. Войновичу), все это – еще в Ленинграде; и уже ксерокопируемой мной в редакции парижской «Русской мысли» во множестве экземпляров (в том числе и для спешной отправки в Вермонт) статьей Е.Ц. в «Книжном обозрении» с требованием вернуть имя Александра Солженицына отечественному читателю (а по сути дела – убрать заслоны на пути открытой публикации в Москве «Архипелага ГУЛаг»).

Тут же и неизменное наслаждение множественностью статей, реплик, предисловий, комментариев Е.Ц., опубликованных в разных книгах, журналах и газетах в связи с историей литературы вообще (прежде всего, конечно, в связи с наследием Корнея Ивановича и Лидии Корнеевны Чуковских, в связи с логично меняющейся, *pro et contra*, позицией ранее безоговорочно близкого союзника Владимира Войновича, но и в связи с работой во славу имен Михаила Зощенко, Бориса Можаева и др.)... Тут же одновременно и ряд конкретных расхождений, при всем нерушимом дружелюбии, по нескольким важным для нас обоим более актуальным эпизодам литературной истории XX столетия (некоторые аспекты публикаций в Исторических сборниках «Память», ущербные стороны ряда популярных биографий иных наших современников...).

Обязательность каждого текста, точность и новизна каждого положения, наконец рельефность и стереоскопичность гражданской или нравственной позиции, идет ли речь о том или ином писателе либо вообще о том или ином общественном и профессиональном круге (интеллигенция, эмиграция, соотечественники, труженики, душегубы, свободная и прочая пресса), – ко всему этому щедрому дарению, которое изливается на нас со страниц, написанных Еленой Цезаревной, я уже позволил себе за все эти годы привыкнуть.

Но вот еще один – неслыханный! – дар: в сложнопостроенном, трудноподъемном, внежанровом небывалом сочинении – в литературно-новаторском монтаже: предисловии «Несбывшиеся планы» к последней книге Л.К. о судьбе ее мужа Матвея Петровича Бронштейна и вообще их поколения, «Прочерк», – Е.Ц. нашла слова такой чеканной силы, что, пожалуй, превосходит даже афористические вершины ее бесспорно великого литературного окружения.

Итак, – хвала судьбе: читали, читаем и будем перечитывать!..

Сергей ДЕДЮЛИН

Ленинград–Москва–Париж
1970–2014

